

“Под властью угля”,
или История о том,
как британский
углекоп Гарольд
Хезлоп так и не
стал советским
писателем*

**Елена Сергеевна
Островская**

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа
экономики”
Москва, Россия

“Under the Sway of
Coal,” or a Story of
the British Coal
Miner Harold
Heslop, Who Failed
to Become a Soviet
Writer

Elena S. Ostrovskaya

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена стремительной и краткой писательской карьере британского писателя-горняка Гарольда Хезлопа в СССР: с 1926 по 1931 год были опубликованы переводы трех его романов и выполнен перевод четвертого, а сам он в 1930 году присутствовал и выступал на Харьковской конференции МОРПа в качестве одного из двух членов британской делегации, но после этого ему, несмотря на многочисленные попытки, не удалось добиться встречи с советским читателем помимо нескольких журнальных публикаций. Любопытный биографический эпизод рассматривается в контексте ситуации в советской литературе и критике, институциональных стратегий издательств и журнала “Интернациональная литература” и личных дружеских связей писателя, а также в контексте британской рабочей литературы.

* В данной научной работе использованы результаты проекта “Европейская литература в компаративном освещении: метод и интерпретация”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

Ключевые слова

Гарольд Хезлоп, “Интернациональная литература”, “На литературном посту”, Харьковская конференция МОРПа, Сергей Динамов, Анна Елистратова, советско-британские литературные контакты, британская рабочая литература.

Abstract

The paper focuses on the rapid and short-living Soviet writing career of the British coal miner Harold Heslop. Between 1926 and 1931, three novels by Heslop were published in the USSR (in Russian translation) and the translation of a fourth was commissioned and completed, and in 1930 the author himself travelled to the USSR as one of two members of the British delegation at the Kharkov conference of the International Union of Revolutionary Writers (IURW). However, that was the end of his success: the translated novel *Red Earth* was not published nor were any of his later novels. The only venue for his rare shorter essays and occasional prose excerpts was the magazine *International Literature*. The paper discusses this curious writer’s biography from different perspectives. It analyzes at length the critical article by Anna Elistratova, published in *Na literaturnom postu* and *International Literature*, juxtaposing the two versions and the text of Heslop’s novel to contextualize the writer and his work in the Soviet literary criticism of the time. It explores archival materials—Heslop’s correspondence with different people and institutions as well as institutional papers—to discuss the case as personal as well as institutional history, representative of the situation of the 1930s. Finally the article shifts perspective to discuss the author and his work in the context of the British working-class literature of the time.

Keywords

Harold Heslop, *International Literature*, *Na literaturnom postu*, Kharkov conference of the IURW, Sergey Dinamov, Anna Elistratova, Soviet-British literary contacts, British working-class literature

В 1932 году в первом номере нового журнала “International Literature” была напечатана статья Анны Елистратовой – секретаря англо-американской секции МОРПа (Международной организации революционных писателей) и литературного критика – “The Work of Harold Heslop”. На четырех журнальных страницах уместился обзор творчества английского писателя-углекопа Гарольда Хезлопа, обсуждение его немногих позитивных черт и беспощадная, но конструктивная критика. Иными словами, весьма характерная публикация для времени “политической инструментализации критики” [Добренко 2011: 146]. Выделенным было культурное пространство, осваиваемое критиком, и объект критического анализа. В статье, помещенной в английской, т. е. предназначенной преимущественно для британской и американской аудитории, версии многоязычного журнала, издававшегося в СССР, рассматривались четыре романа английского писателя-шахтера, из которых только два

были опубликованы на английском языке: один из двух других вышел в Советском Союзе в русском переводе, второй и вовсе был представлен как ненапечатанный (хотя в этот момент он готовился к печати в СССР). Иными словами, как критическая статья, так и рассматривавшиеся в ней произведения принадлежат к конструируемому журналом культурному пространству англоязычной “интернациональной” литературы. Журнал — орган МОРПа — знакомил читателей с произведениями писателя Хезлопа, члена организации, и тут же подвергал их сокрушительной критике. Статья стала одновременно пиком его успеха у советской критики и началом его заката.

Представляется, что казус неудавшегося “советского” писателя Гарольда Хезлопа и статьи, если не непосредственно положившей конец его карьере в СССР, то оказавшейся ее финальным аккордом, позволяет продемонстрировать механизмы конструирования пространства взаимодействия советской и британской культуры второй половины 20-х — первой половины 30-х годов и роль в них как отдельных личностей, так и “интернациональных” культурных институций, МОРПа и журнала “International Literature”, а также советских культурных институций, с которыми они были так или иначе связаны.

“Who Was Harry Heslop?”

В 1994 году, спустя одиннадцать лет после смерти Гарольда Хезлопа, британское коммунистическое издательство “Wilshart” выпустило его автобиографию “Out of the Old Earth”. В предисловии, озаглавленном “Who Was Harry Heslop?”, Энди Крофт, один из двух публикаторов книги, аттестовал его человеком, практически в одиночку создавшим шахтерский роман в Британии [СРОФТ 1994: 37]. В 30-е годы именно на него равнялись молодые шахтеры, обратившиеся к литературе (ср. свидетельство Сиды Чаплина, гораздо более известного писателя-углекопа), а в середине 80-х его имя уже было прочно забыто [ibid.: 7]. С 1929 по 1935 год Хезлоп опубликовал пять романов, так или иначе связанных с жизнью шахтеров: “The Gate to a Strange Field” (1929, об углекопах), “Journey Beyond” (1930, о безработных), “Goaf” (1934, снова из жизни шахтеров), “The Crime of Peter Ropner” (1934, детектив, но тоже из шахтерской жизни Севера) и “Last Cage Down” (1935, опять о шахтерах). В 1946 году, после десятилетнего перерыва, вышел его последний роман “The Earth Beneath”, опять на магистральную для него тему угля. И хотя он не переставал писать до конца жизни, после 1946 года все его рукописи возвращались из редакций, а возобновление интереса к его творчеству произошло уже посмертно: в 1984 году был переиздан роман “Last Cage Down”, а в 1994-м — опубликована автобиография “Out of the

Old Earth”. Однако заметная часть его творческого наследия так и осталась в виде рукописей, возвращенных из редакций, в его архиве в Дарэме.

Биография “советского” британского писателя Хезлопа, то есть хроника его переводов и публикаций в Советском Союзе, имеет иные временные рамки и иные вехи. В 1926 году ленинградское издательство “Прибой” напечатало первый роман начинающего английского автора под названием “Под властью угля (роман из жизни английских углекопов)” [Хезлоп 1926]. Предисловие к нему было написано Иваном Майским, на тот момент — торговым представителем Советского Союза в Великобритании, а впоследствии, в 1932–1943 годах — чрезвычайным и полномочным послом СССР в Великобритании. На титульном листе подчеркивалось, что роман переведен “с рукописи”, т. е. на языке оригинала он не издавался; на английском языке он увидел свет только в 1934 году под оригинальным заглавием “Goaf”. В СССР же он уже в 1929 году был переиздан в популярном многотиражном журнале “Роман-газета” [ИДЕМ 1929].

Появившийся таким образом советский писатель не терял надежды получить признание на родине, и два следующих его романа, “The Gate to a Strange Field” (1929) и “Journey Beyond” (1930), сначала выходят на английском языке в лондонских издательствах, а уже потом на русском [HESLOP 1929; ИДЕМ 1930; Гезлоп 1930; Гезлоп 1931]. Однако стремительная карьера писателя Хезлопа закончилась так же внезапно, как и началась: в 1930 же году был заказан и к началу 1931 года завершен перевод четвертого романа Хезлопа, утопии “Red Earth”. Перевод был выполнен, но издание так и не состоялось. На языке оригинала роман тоже опубликовать не удалось ни в Британии, ни в США. На этом карьера успешного советского романиста закончилась, и, хотя рассказ писателя и отдельные статьи появлялись в журнале “Интернациональная литература” на протяжении 1930-х годов, романы его в СССР больше не публиковались.

Гарольд Хезлоп как советский писатель

По-видимому, культурный проект “писатель Гарольд Хезлоп” изначально возник по инициативе Ивана Майского. В предисловии к роману Майский благодарит “счастливый случай”, который “свел” его с Хезлопом “летом прошлого года в Лондоне” [Хезлоп 1926: 3]. За два года до этого, в 1924 году, молодой шахтер победил в конкурсе эссе Дарэмской ассоциации шахтеров (Durham Miners’ Association, DMA) и был премирован двухгодичным курсом обучения в Лондонском центральном рабочем колледже. В автобиографии “Out of the Old Earth” Хезлоп рассказывает, что отнес рукопись романа, над которым трудился много месяцев (“I had toiled over for many months”), в издательство “Herbert Jenkins Ltd.”, получил отказ и, расстроенный, постарался о нем забыть, как вдруг по почте

пришло письмо от советского торгпреда с приглашением в посольство и просьбой принести рукопись романа “о жизни шахтеров на севере” (“This novel might be of interest to the readers in my country”) [HESLOP 1994: 169].

“Рабочее кооперативное издательство «Прибой», в котором выходит книга, занималось главным образом выпуском политической и агитационной литературы и обратилось к изданию художественной литературы как раз в 1926 году. Возглавил литературно-художественный отдел Михаил Слонимский, племянник переводчицы романа Зинаиды Венгеровой, имевший опыт “доставать сочинения русских и иностранных авторов” еще по издательству “Всемирная литература”, где он работал в 1919 году [Слонимский 1941: 100]. Перевод книги Хезлопа, таким образом, стал дополнением к редакционному портфелю и источником заработка для Венгеровой. Последнее было важным соображением для Майского, знакомого с переводчицей со времен первой своей эмиграции: в 1930 году он даже (безуспешно) пытался выхлопотать для нее особую пенсию от советского государства у председателя правления Госиздата А. Халатова в обмен на передачу прав на все переведенные ею литературные произведения [Майский 2005: 358]. Но и интерес к тому, чтобы в СССР публиковались современные британские писатели, явно не был случайным: спустя более десяти лет Майский снова демонстрирует его в переписке с Хезлопом. В 1937 году он пишет британскому писателю короткую записку с вопросом о современной английской литературе:

Наши люди в СССР очень хотят издать несколько новых английских книг на русском языке, и я буду благодарен, если Вы поможете мне, предложив перечень книг, которые покажутся Вам подходящими для наших читателей (письмо от 25 января 1937 года) [ИДЕМ 2011: 260]¹.

Да и к самому Хезлопу, его жизни и творчеству, Майский проявляет живой и, по-видимому, искренний интерес, и переписка между ними продолжается годы.

Судя по переписке, Майский выступал в роли не только своеобразного литературного агента начинающего британского писателя, т. е. вел переговоры о публикации его романов, но и редактора. Например, предлагал свои соображения о том, как улучшить романы: “Red Earth” — об этом в его письме Хезлопу:

Please let me know [. . .] if you are prepared to make suggested alterations or you prefer to leave the novel as it is now. In the first case I will have in Moscow with *Zemlya I Fabrika* only preliminary talk about publication of the book [Майский 2011: 106, 107], —

---

¹ Оригинал на английском. Приводится в переводе, помещенном в издании.

и “Last Cage Down” — что следует из более поздней переписки Хезлопа с московскими литературными функционерами:

I believe that I have told you how the manuscript will be sent. Until it has been approved by a person whose opinion I highly value it will not be sent to you. Please understand that it is still in the possession of this friend [письмо Хезлопа Динамову 06.01.1935: Хезлоп—Динамов 1934–1937: л. 6].

(Личность друга, чье мнение Хезлоп высоко ценит, не идентифицируется, но предыдущая история их отношений и тот факт, что рукопись в Москву переправляется через Майского и с его сопроводительным письмом [МАЙСКИЙ—ДИНАМОВ 1935], недвусмысленно указывают на него.)

Немаловажно и посредничество Майского между Хезлопом и издательствами в финансовых вопросах: судя по их переписке и автобиографии писателя, Хезлопу относительно исправно переводили гонорары, что, безусловно, представляло определенные трудности для Майского и очень много значило для молодого англичанина, который с 1927 года был без работы [МАЙСКИЙ 2011: 103; HESLOP 1994: 171–172].

Второй и третий романы Хезлопа выходят в СССР в 1930 и 1931 годах в издательствах “Земля и фабрика” и “ГИХЛ”. “За бортом жизни” (“Journey Beyond”) переводит Лидия Слонимская, жена Александра Слонимского, другого племянника Венгеровой и тоже литературного деятеля, а предисловия к обоим романам пишет Исаак Звавич — в 1922–1927 годах — консультант советского торгпредства в Великобритании и, таким образом, коллега Майского.

В контексте литературного процесса и издательской политики СССР, однако, появление писателя Гарольда Хезлопа не выглядит личным проектом видного дипломата Майского, а напротив, становится частью процесса воспитания пролетарских советских писателей (такую задачу, помимо прочих, ставил перед собой руководимый Слонимским отдел “Прибоя”) и знакомства советского читателя с классово и идейно близкими зарубежными писателями. Это означало публикацию активных деятелей РАППа и зарубежных писателей-коммунистов. Так, в “Прибое” в 1926–1927 годах вышли “Комиссары” Юрия Либединского, “Разгром” Александра Фадеева, “Голод” Сергея Семенова и т. д. Иностранцы писатели были представлены идеологическими соратниками и собратьями по классу — латышским писателем-коммунистом Линардом Лайценсом, румыном Панайтом Истрати, шведом Франком Хеллером, японцем Иноскэ Наканиси; печатались и более известные, но идеологически близкие авторы — Герберт Уэллс, Томас Манн, Синклер Льюис, Анри Барбюс, а также классики — Золя, Мериме, По. Многие книги вскоре были переизданы в основанной в 1927 году “Роман-газете”, в том числе и роман Хезлопа.

Во главе издательства “Земля и фабрика”, созданного в 1922 году Владимиром Нарбутом, с 1928 года стоял Илья Ионов, а в 1929 году его сменил Анатолий Луначарский, после чего в 1930 году оно, как и “Прибой”, было поглощено Гослитиздатом (“Прибой” был его частью уже с 1927 года, но до 1930 года сохранял торговую марку). Как и “Прибой”, издательство “ЗИФ” публиковало разных авторов; с 1926 года оно берет установку на выдвижение молодых писательских сил и ознакомление читателей с лучшими произведениями советских и иностранных авторов. В последние годы “ЗИФ”, как и “Прибой”, активно публикует рапповцев, и, вероятно, самая известная книга издательства за 1930 год — программный сборник РАППа “С кем и почему мы боремся” под редакцией Леопольда Авербаха. Творчество молодого британского углекопа в этой компании смотрится вполне естественно, а вскоре он получает возможность и лично познакомиться с деятелями самой влиятельной литературной группировки СССР конца 1920-х — начала 1930-х годов.

Гарольд Хезлоп на Харьковской конференции МОРПа

1930-й год становится апогеем творческих отношений Хезлопа с Советским Союзом: выходит один роман, два переводятся, а кроме того, его приглашают делегатом на Харьковский пленум МБРЛ (Международного бюро революционной литературы; в процессе и организация, и мероприятие меняют название: МБРЛ превращается в МОРП, международную организацию революционных писателей, а пленум — в конференцию), и в конце октября он прибывает в Ленинград, затем едет в Москву, откуда вместе с другими участниками конференции отправляется на поезде в Харьков [HESLOP 1994: 214]. Приглашение исходит не от Майского, а от Белы Иллеша, председателя МБРЛ [МАЙСКИЙ 2011: 94, 97]. В автобиографии Хезлоп особо подчеркивает роль, которая отводилась в мероприятии РАППу и его функционерам — по-видимому, РАПП пытался конкурировать с Коминтерном за контроль над МБРЛ-МОРПом (“Control of our business has ascended from Illes to Leopold Averbach the moment we were entrained. [. . .] He it was whose duty lay in giving the conference the precise proletarian tone”) [HESLOP 1994: 215].

Посещение харьковской конференции стало поворотным моментом в судьбе Хезлопа: из малоизвестного начинающего писателя он на краткий миг становится публичным лицом, представляющим от лица британских рабочих писателей. Его позиции на конференции были почти монопольными, так как он был одним из двух представителей Великобритании и единственным писателем (второй член делегации, Боб Эллис, — деятель компартии Великобритании, публицист и редактор партийной газеты, был чужд художественной литературе, то есть

был английским “writer”, но не русским писателем)². Ему пришлось выступить с речью, весьма спонтанной и мало отличающейся от других речей конференции: она состояла из критики буржуазной литературы Англии, сетований по поводу отсутствия полноценной рабочей литературы и надежд на будущее. В анекдотическом изложении Энди Крофта выступление становится историей провинциала на всемирном конгрессе:

For seven days he sat listening to delegates from all over the world [. . .] On the eighth day he was called upon to describe the British “situation.” He could only begin by apologizing, “It must be recognized that proletarian art in Great Britain is in a very backward condition—and is in fact hardly begun” [CROFT 1984: vii].

Речь Гарольда Хезлопа на Харьковской конференции не прошла незамеченной и в Англии. Вероятно, самым именитым среди его читателей-соотечественников был Т. С. Элиот: в 1932 году в апрельской книжке журнала “Criterion” часть колонки главного редактора была посвящена британской пролетарской литературе. Элиот призывал “товарища Джеймса [sic!] Хезлопа” в свидетели неудовлетворительного состояния коммунистического искусства в Британии, перефразируя его высказывание о пролетарском искусстве применительно к искусству коммунистическому (“Communist art is in a bad way”), а потом и цитируя выступление, почерпнутое из специального номера “интереснейшего” (“a most interesting”) журнала “Литература мировой революции”, с купюрами, но весьма подробно. Пламенно-обличительная речь Хезлопа, усвоившего обличительную и одновременно прогрессистскую риторику конгресса, приводится Элиотом с минимальными комментариями, акценты и ирония выражаются главным образом паузами и отточиями. Прочитовав “ради справедливости” и “с симпатией” (“in fairness and with warm sympathy”) пассаж о прогнившем искусстве загнивающего капитализма, критик обращается к списку новых пролетарских писателей: Джеймс Си. Уэлш, Джон С. Кларк и Джо Корри — и, выдержав паузу при помощи отточий, многозначительно продолжает цитировать, иронически противопоставляя “огромное разочарование” Хезлопа в писателе Джо Корри и его надежду на собственное будущее:

---

² Хезлоп весьма комично описывает свой разговор с Замятиным, которого он по просьбе Венгеровой посетил в Ленинграде: “. . . Why are you visiting Russia?” The guide intervened quietly. ‘Mister Heslop is on his way to Kharkov. . . to the Conference,’ she told him. He barely acknowledged her intrusion. ‘Is the British delegation large?’ he asked. ‘Only two.’ He glanced at the girl. . .” [HESLOP 1994: 205–206].

But for himself Comrade Heslop has hope:

I make bold to say that my association with you, my stay in Soviet Russia (and) my friendship with my critical friend Ellis have put me on the path towards the creation of real proletarian art [ЕЛИОТ 1932: 306].

В данном случае надежда Хезлопа опиралась на трезвый расчет: он попал в самый центр международной деятельности пролетарских и революционных писателей, познакомился с советскими литераторами и литературными функционерами (“came into close contact with all the big literary people in Russia, including Averbach and Dinamov”, как он пишет Майскому 14 января 1931 года [МАЙСКИЙ 2011: 95]), и его жизнь должна была измениться окончательно: появились люди, у которых и вместе с которыми можно было учиться подлинному пролетарскому искусству, и появился печатный орган — журнал МОРПа, “Литература мировой революции”, который будет печатать произведения революционных писателей. (До Харьковской конференции органом МБРЛ являлся “Вестник иностранной литературы”, но на конференции было решено изменить название и формат журнала и сделать издание на русском и трех европейских языках. “Литература мировой революции” выходила в таком виде только год, а потом снова была преобразована: в 1932 году иноязычные версии, а с 1933 года уже и русская стали выходить под новым названием “Интернациональная литература”.) Хезлоп был вдохновлен и увлечен новыми знакомствами и еще долго потом состоял в переписке с редакторами журнала, сменявшими друг друга на этом посту: Сергеем Динамовым, Тимофеем Рокотовым и Борисом Сучковым, фактически вплоть до окончательного его закрытия. Эти люди принимали решение о том, чтобы напечатать рассказ, отрывки из романа или статью в журнале, и могли порекомендовать роман к публикации в формате книги (хотя тут, вероятно, Хезлоп переоценивал возможности своих корреспондентов). Иными словами, благодаря Харьковской конференции молодой англичанин получил то, о чем может только мечтать начинающий писатель, — писательскую среду и журнальные знакомства.

Или так казалось в Харькове. Поездка в Советский Союз представлялась поворотным моментом карьеры Хезлопа, однако при ретроспективном анализе она оказывается пиком его карьеры, за которым очень быстро следует спад. Само затянувшееся пребывание в СССР (после Харьковской конференции писателю “сообщили”, что он остается, чтобы присутствовать на процессе Промпартии, по крайней мере, именно так он объясняет этот эпизод своей биографии [HESLOP 1994: 232]) оплачивалось и потому способствовало улучшению материальной ситуации семьи. Определенный позитивный эффект поездки имела и в дальнейшем: по возвращении он в течение какого-то времени выступает со

своими впечатлениями в печати и даже на телевидении. И наконец, на какое-то время безработный Хезлоп находит работу в Торгпредстве СССР в Лондоне, в представительстве Интуриста.

Но творческое сотрудничество постепенно сводится к минимуму: “Красная земля” так и не будет напечатана³, и больше романы Хезлопа на русский не переводятся. Переписка с редакторами журнала тоже оказывается менее успешной, чем могла бы: после Харькова имя Хезлопа вносится в публикуемый в каждом номере список постоянных авторов, но постоянным автором он от этого не становится. В 1933 году в журнале помещают его рассказ “Ten Thousand Men: A Story of the British Coal Miners”, посвященный, как обычно, безуспешной борьбе британских углекопов за свои права, на сей раз в сопоставлении с победными реляциями из Советского Союза [HESLOP 1933]. Но это единственное художественное произведение Хезлопа, напечатанное журналом. Помимо этого, ему заказывают несколько статей о текущем состоянии английской литературы и отдельных авторах и периодически помещают отрывки из его писем в разделе “Интернациональная хроника” или — после неоднократных напоминаний — публикуют анонс его новой книги [Анонс 1936; Иностранные писатели 1937; Хэзлоп 1939; IDEM 1940].

Насколько неизбежен был подобный поворот событий? Он без труда вычитывается в иронии Элиота, но, если следовать логике времени, дела Хезлопа шли как раз неплохо: в эпоху, когда литературная критика подменяет собой литературу [ДОБРЕНКО 2011: 161], ему удается заручиться поддержкой как раз нужных людей. Энди Крофт объясняет внезапный неуспех Хезлопа в Советском Союзе тем, что к власти в МОРПе приходят революционно настроенные рапповцы, а статью Анны Елистратовой он считает непосредственным проявлением рапповской атаки на попутчиков [CROFT 1984: X]. И, что неудивительно, в оценке РАППа в своей судьбе Хезлоп времен автобиографии не сходится с Хезлопом — автором писем 1931 года: молодой писатель радуется знакомству (“all the big literary people”), а автор “Out of this Earth” винит их в своем неуспехе.

---

³ Сюжет с “Красной землей” неоднократно фигурирует в переписке Хезлопа с русскими корреспондентами. В письмах Майскому начала 1931 года исключительно в позитивном ключе: Хезлоп сообщает, что получил часть гонорара [Майский 2011: 95]; а уже в 1932 году, в переписке с Динамовым, тон писателя меняется, 29 марта 1932 года он осведомляется, что происходит с романом [см. письмо Хезлопа Динамову 29.03.1932 в: Хезлоп–Динамов 1932–1937: л. 3–7], а 11 октября 1933 года описывает ситуацию как совершившийся факт, но причины произошедшего ему не ясны (“I have not yet understood why my manuscript, *The Red Earth*, should be accepted, translated, partly paid for, and then dropped as if it had become a hot coal or a thing unclean”) [письмо Хезлопа Динамову 11.10.1933: Хезлоп–Динамов 1932–1937: л. 27].

“The Work of Harold Heslop”:

Гарольд Хезлоп в свете классово́й критики

Статья Анны Елистратовой о творчестве Хезлопа в первом номере “International Literature” появилась в 1932 году, т. е. примерно через полтора года после Харьковской конференции. А за несколько месяцев до того она была напечатана на русском языке в октябрьском (30-м) номере журнала “На литературном посту” за 1931 год (“О творчестве Гарольда Хезлопа” [ЕЛИСТРАТОВА 1931]). Любопытно, что в статье в “International Literature” — по большей части весьма точном переводе напостовской — имеется ряд расхождений с русским текстом, как содержательного, так и идеологического плана, по-видимому, небезынтересных для понимания отношения МОРПа к Хезлопу и роли статьи Елистратовой в судьбе писателя.

Статья вполне соответствует духу и букве рапповской критики, органом которой являлся журнал “На литературном посту”, и воспроизводит основную матрицу текстов такого рода: классовая борьба, социал-фашизм, оппортунизм, предательская маска (“insidious mask”⁴), недооценка революционной сознательности масс. Гарольду Хезлопу этот набор, как и тесно связанная с ним риторическая схема, был прекрасно знаком по Харьковской конференции, где он не только слышал и воспринимал, но и успешно применял эту лексику и эту конструкцию. Основным риторическим приемом становится построение от обратного. Елистратова берет за отправную точку тот же тезис об отсутствии в Британии полноценной пролетарской литературы, что и писатель в своей речи (“Английский пролетариат до сих пор не создал своей классово самостоятельной литературы”) и представляет его классовую причину как оппортунизм британского рабочего движения. Оппортунизм и социал-фашизм воплощают крайнюю степень падения, основное же отличие Хезлопа от товарищей, награжденных ярлыком “социал-фашизма”, в том, что он — единственный писатель рабочего происхождения, который открыто связывает себя с платформой МОРПа и имел смелость публично признать и обличить собственные ошибки [ЕЛИСТРАТОВА 1932: 99], в статье, однако, ошибки подробно освещаются. В речи Хезлопа весьма эмоционально и образно обличается буржуазная литература, тем не менее, по тонкому наблюдению Энди Крофта, адресная критика направлена исключительно на писателей рабочих — Хенли, Кларка, Грина [СРОФТ 1990: 64]. И наконец, оба высказывания завершаются на более или менее оптимистичной ноте: статья с ее “дружеской критикой” (“inspired by friendly motives”), немало задевшей писателя, имеет целью помочь ему с исправлением ошибок (“We aim at helping him to develop into a genuine proletarian artist. This he can do only

⁴ Здесь и далее английский текст приводится в случае расхождения с русским. — Е. О.

by acquiring in its fullness the world outlook of the revolutionary working class”). И это, в определенном смысле, ответ на оптимистический заключительный пассаж выступления Хезлопа, который Элиот иронически и прозорливо интерпретирует как надежду:

. . . I admit that I have labored under bourgeois influence. My experience in the USSR, together with severe, but friendly criticism of my friend, Bob Ellis, has made me peculiarly aware of the fact toward which I have been blindly groping. I make bold to say that my association with you, my stay in Soviet Russia [and] my friendship with my critical friend Ellis have put me on the path towards the creation of real proletarian art [HESLOP 1931: 227].

Ретроспективно выступление Хезлопа на конгрессе выглядит как прививка, которая не сработала: хитроумно освоив схему так, что критике подверглись его собратья по перу, а сам он ограничился признанием ошибок и туманными надеждами на будущее, писатель как будто пытался избежать настоящей атаки. В действительности, по-видимому, он воспринимал выступление скорее как ритуальное, своего рода посвящение и не предполагал, что ему, уже признавшему свои ошибки, могут снова указать на них, и гораздо более сурово.

В расхождениях между первой (русской) и второй (английской) редакциями статьи Елистратовой можно выявить две закономерности. Во-первых, при сохранении общей структуры и примерной длины текста в английскую включается разбор “Красной земли”, что приводит к некоторым сокращениям в разборе других произведений, а во-вторых, хотя набор обличительных эпитетов один и тот же, но распределяются они несколько по-разному, и, как следствие этого непонятого на первый взгляд жонглирования, общий тон критики несколько смягчается. В английском тексте подчеркивается открыто задекларированная связь писателя с МОРПом и смелость, с которой он публично признал и обличил собственные ошибки, и таким образом из лагеря социал-фашистов он переводится в лагерь реформистов. Техника незамысловатая, но весьма виртуозная; минимальные изменения достигаются за счет рокировки понятий и синтаксического перераспределения акцентов:

Наряду с *этими ярко выраженными представителями обуржуазившейся рабочей аристократии*, ряд других английских писателей выступает в литературе в качестве выразителей психоидеологии тех элементов рабочего класса, которые до последнего времени продолжают еще находиться *под идеологическим влиянием социал-фашизма*. . .

Alongside these definitely social-fascist writers, representing the upper few of the labor aristocracy, we find a number of other English writers who represent those unclassconscious masses who until quite recently were and to a certain extent still are, under the ideological influence of reformism. . .

а более серьезные — простой заменой:

в плену <i>социал-фашистской идеологии</i>	completely under the influence of <i>reformist ideas</i>
--	--

— или пропуском соответствующей фразы:

Это разрешение проблемы вождя и массы сближает роман Хезлопа с рядом типично социал-фашистских произведений.	—
--	---

Показателен характер критики романа “Под властью угля”, визитной карточки писателя Хезлопа в СССР, и изменений в английском тексте статьи. Суть претензий — непонимание автором исторической роли рабочего класса и чрезмерный интерес к индивидуальным судьбам его героев. Так, согласно рецензенту, рабочее движение описывается Хезлопом с чисто эстетической точки зрения, а врагом рабочих является не капиталистическая эксплуатация, а, в соответствии с заглавием, уголь. (Тут критика самого Хезлопа по отношению к коллегам по цеху и критика Елистратовой в его собственный адрес снова совпадают в риторической конструкции: писатель, конечно, выступает против, но не против капитализма, а против его кризиса (“revolt is against the *decay* of capitalism, rather than against capitalism itself” и “they are under the sway not of capitalist exploitation, but of coal”) [HESLOP 1931; ЕЛИСТРАТОВА 1931: 22; ЕЛИСТРАТОВА 1932: 99].) Кроме того, в героическом (в английском тексте — романтическом) свете преподносятся герои романа — Биль Ватсон, член парламента, свято верящий в парламент как институт, и Том Дрери, “романтический одиночка ибсеновского типа”. И наконец, совмещение классового и эстетического аспектов: в соответствии с традициями мелкобуржуазного романа, Хезлоп изображает социальное только сквозь призму личного и находит спасение от всех социальных зол в уходе в личную жизнь и утешении мелкобуржуазного “семейного счастья” (“depicts the social only through the prism of the personal”; “finds the solution of all social ills in retreat into personal life and in the consolations of the petty bourgeois ‘family happiness’”) [ЕЛИСТРАТОВА 1932: 100].

Изменения в английском тексте типовые: квалификация опасного влияния меняется с социал-фашизма на реформизм и текст сокращается за счет цитат (Елистратова иллюстрирует свои соображения о толпе как массе и, главное, о несознательности “псевдокоммуниста” Дрери) и сопоставлений с другими “социал-фашистскими” произведениями (помимо Ибсена, лишь упомянутого, но не обличенного в английской версии, в русской Дрери сопоставляется с Валером Кретьеном из “типично социал-фашистского” романа Жоржа Давида “Парад”) [ЕЛИСТРАТОВА 1931: 23].

От романа к роману характер претензий критика к автору практически не меняется: непонимание исторической роли народных масс и рабочего движения (“рабочее движение представляется [. . .] как нечто хаотическое и неподдающееся организации” (unorganized)), героизация / романтизация героя или чрезмерный к нему интерес за счет интересов класса (“Instead of dealing with unemployment as a political problem, Heslop concentrates readers’ attention on the individual sufferings of two unemployed workers” — в русской версии статьи этой мысли соответствует целый абзац) и “мещанская” или “сентиментальная” идеализация семьи (“Хэзлоп, как художник, выступает здесь перед нами как типичнейший «мещанин в пролетариате»”; “Heslop is still under the influence of sentimental individualism”). Отсутствие прогресса во взглядах и творчестве писателя подчеркивается особо и является важным аргументом против него: “Политически второй роман стоит еще на очень низком уровне” (“Heslop’s political insight in his second novel is of a rather poor caliber”), “Neither can one speak of any such radical change in his last work, the novel *Martha Drake*⁵ [ЕЛИСТРАТОВА 1931: 23; ЕЛИСТРАТОВА 1932: 100]. Однако “Красная земля” несколько выбивается из общей тенденции. Здесь рецензент переключается на почти хвалебный тон (“Another unpublished work of Heslop’s which deserves attention”, “The theme of the novel clearly distinguishes Heslop from English writers of social fascist outlook”), однако и этот роман демонстрирует ошибочность воззрений Хезлопа на классовую борьбу и революцию, а также неверный выбор литературного метода. Тезис весьма подробно разворачивается на материале романа, однако отчасти позитивный поворот в его оценке позволяет выйти на сдержанно оптимистический финал. Тут версии снова соединяются, и в русской версии, чтобы обеспечить этот финал, рецензент помещает “Красную землю” в сноску. Здесь же статья снова сливается с речью самого Хезлопа на съезде: с правильным идеологическим руководством писатель не безнадежен, и советская критика готова ему в этом помочь:

И задачей нашей критики должно являться не только обнаружение отдельных непролетарских элементов в творчестве тех или иных писателей, представляющих, подобно Хезлопу, несознательные слои рабочего класса, но и оказание им помощи в деле перестройки всего их творчества на основе освобождения его от паутины социал-фашистской идеологии [ЕЛИСТРАТОВА 1931: 24].

---

⁵ Роман “Journey Beyond”. Елистратова вслед за Звавичем утверждает, что при публикации в Англии название романа пришлось сменить, но в действительности роман был опубликован под оригинальным заглавием.

В английской версии от ярлыков решили избавиться: “a thorough revision of their ideology along revolutionary lines”) [ELISTRATOVA 1932: 102].

О творчестве писателя Гарольда Хезлопа: “Под властью угля”
Для советского читателя и массовой советской прессы Хезлоп, по-видимому, так и остался автором романа “Под властью угля”. Критические отзывы на роман были немногочисленными и трактовали его по-разному. Так, в краткой обзорной заметке “Английские писатели-шахтеры” в “Вестнике иностранной литературы” за июль 1928 года роман характеризуется как идеологически ошибочное произведение: “Обрисовывая быт и условия труда на севере Англии, Хезлоп [. . .] не делает необходимых революционных выводов из им же описываемых общественных явлений” [ШАХТЕРЫ 1928: 139]. А в анонсе переиздания 1929 года в “Правде” акценты расставлены по-другому: “[Р]оман отображает политический и производственный быт английских шахтеров, предательскую политику тред-юнионов, роль коммунистов в героической борьбе рабочих в великую забастовку 1926 года”⁶. Клишированность формулировок вполне соответствует предмету описания, роман действительно легко типизируется как шахтерский и состоит из стандартных элементов этого склонного к шаблонным сюжетным ходам и конфликтам жанра.

Одним из истоков жанра принято считать роман Эмиля Золя “Жерминаль”, ему-то Хезлоп в значительной степени обязан сюжетной канвой одной из центральных линий. Золя задает набор базовых элементов повествования: молодой герой — лидер шахтеров в их борьбе, забастовка, подстрекатель и предатель, завал, спасение главного героя, но не его товарища по несчастью. От Золя же идет традиция метафорического прочтения шахты как диаволического мифологического существа, пожирающего жизни людей, оказавшихся в его чреве, — которое становится важным топосом большинства шахтерских романов [HOLDERNESS 1984: 22]. У Хезлопа на этой метафоре строится уже заглавие: региональный арготизм “goaf”, “старая выработка” в переводе Венгеровой — пустое пространство, которое остается после выемки угля; это огромные подземные пустоты, пребывание в которых опасно из-за вероятности обвала и недостатка кислорода; буквальный и метафорический смысл слова и образа обсуждается героями и проблематизируется автором [Хезлоп 1926: 81; CUNNINGHAM 1989: 316; FORDAM 2009A: 316]. В русском переводе заглавия метафоризация переводится на языковой уровень и подкрепляется идеологически: заглавие переведено не просто на русский,

⁶ В действительности “Под властью угля” написано до забастовки 1926 года [Анонс 1929].

но на язык классовой борьбы, что, с одной стороны, было неплохим маркетинговым ходом, так как сокращало дистанцию между книгой и ее потенциальным читателем, а с другой — дополнительным аргументом для критики Елистратовой (“they are under the sway not of capitalist exploitation, but of coal”) [ЕЛИСТРАТОВА 1932: 99].

Стилистическая беспомощность романа “Под властью угля” (что только усиливается в русском переводе) уравнивается прихотливым сюжетом. Основная сюжетная линия — драматическая профсоюзная карьера молодого коммуниста Тома Дрери, хотя как персонаж он находится в тени Билля Ватсона, на племяннице которого он женится в ходе повествования. Билль — его политический оппонент: в отличие от Тома, он считает, что жизнь шахтеров можно облегчить только политическим воздействием, и потому много лет является членом парламента⁷. Тома избирают секретарем профсоюза “Лоджа”, но это совпадает с заметным ухудшением условий оплаты труда горняков. Он предлагает забастовку, и шахтеры горячо его поддерживают, однако, столкнувшись с трудностями, идут на поводу у его антагониста, Джона Гартли, который, движимый местью и завистью к Тому, вступает в сделку с хозяевами копи и подстрекает шахтеров к открытому выступлению. Импровизированная демонстрация оборачивается полным поражением рабочих и судебным разбирательством, а Тома несправедливо обвиняют как зачинщика и призывают к суду.

В разгар неприятностей в шахте происходит обвал, и Том с Гартли вдвоем оказываются в завале. Обычные действия по спасению ведутся очень медленно, но из Лондона приезжает Билль и в одиночку организует спасательную экспедицию. Когда завал удастся преодолеть, Билль и его старый друг Джим Троттер пробираются по узкому проходу, но находят только труп Джона Гартли, который отказался идти с Томом искать выхода через старую выработку (goaf) и, в припадке отчаяния, совершил самоубийство. Ватсон и Троттер отправляются на поиски Тома и с трудом успевают его спасти. Ватсон на руках выносит Тома, но теперь того обвиняют в убийстве Гартли.

Последняя часть романа представляет увлекательный судебный и даже отчасти детективный сюжет, где почти отчаявшийся Билль снова вынужден спасти Тома, на сей раз из лап правосудия. Задача кажется еще более безнадежной, но и она разрешается благодаря неординарным интеллектуальным способностям его друга и адвоката Тома Бэна Перли, как до того — недюжинной силе и упорству самого Билля. Счастливым

---

⁷ Возможно, именно политическая деятельность героя стала причиной неочевидной транслитерации его имени в русском переводе, так как Bill традиционно передается на русский как Билл.

финал означает для Тома оправдание и возможность тихого семейного счастья с женой Цинтией и новорожденной дочерью.

Сюжет отчетливо воспроизводит основные мотивы на тот момент еще немногочисленных шахтерских романов (помимо Золя, назовем “Король уголь” Эптона Синклера (1917), где, кроме завала и забастовки, важную роль играет противостояние героя и профсоюза). Кроме того, Хезлоп, по-видимому, ориентируется и на другой “мелкобуржуазный роман” — “Отверженные” Виктора Гюго. Сюжетная линия, в которой Биль Ватсон выносит Тома Дрери из “старой выработки”, на разных уровнях уподобляет Ватсона Жану Вальжану: и в портретном сходстве — недюжинной физической силой, и биографически — он выносит возлюбленного (уже мужа) своей племянницы. (Да и пучок символических смыслов старой выработки, по-видимому, восходит, в том числе, к парижской клоаке⁸.) Таким образом, трудно не согласиться с Анной Елистратовой, когда она говорит о романтическом построении образа Била Ватсона.

Однако с основной претензией критика — ее прочтением финала как спасения от всех социальных зол в уходе в личную жизнь и утешения мелкобуржуазного “семейного счастья” — все несколько сложнее. Действительно, дважды ложно обвиненный в преступлениях, которых он не совершал, Том Дрери после благополучного исхода суда утрачивает интерес к профсоюзным делам и уезжает с молодой женой Цинтией и новорожденным ребенком (что и излагает критик в русской версии статьи). Но на этом роман не кончается. В финале они возвращаются и, когда их приходит навестить пожилой шахтер Джим Тротер (принимавший участие в поисках и спасении Тома и боровшийся за него на суде и на заседании профсоюза), выясняется, что причина отхода Тома от профсоюзной деятельности отнюдь не в “семейном счастье”, а напротив — в радикализации его представлений о методах борьбы. Кроме того, оказывается, что коммунистические воззрения героя находят отклик у немолодого шахтера, и последний абзац романа оборачивается торжеством коммунизма.

— Я все более склоняюсь к самым крайним убеждениям, Джим, — сообщил Том в этот вечер старому углекопу.

[. . .]

Джим засмеялся. [. . .]

От революционных мыслей у него слегка закружилась голова. Том улыбнулся его смятению. [. . .]

⁸ Из переписки с Динамовым складывается впечатление, что роман “Отверженные” имел особое значение для писателя: в нескольких строках, посвященных его деду по отцу, шахтеру, как и все мужчины в роду, упоминается, что он читал этот роман Гюго вслух жене и это заняло у него четыре года [письмо Хезлопа Динамову 24.05.1936: Хезлоп-Динамов 1932–1937: л. 32].

Джим с сияющим лицом взглянул на молодую женщину. Он старался сдержать охватившее его волнение.

— Ваш друг, — крикнул он.

[. . .]

— Что? — спросила Цинтия.

— Ваш друг — вступит в коммунистическую. . .

Джим от волнения не мог закончить фразу.

Цинтия улыбнулась ему и крепко его поцеловала [Хезлоп 1926: 240].

В финале, где основные сюжетные линии завершились развязкой, на передний план выходит идеологический конфликт романа, сталкивающий профсоюзную борьбу и коммунистическую идеологию и завершающийся демонстрацией несостоятельности первой. Подобный конфликт — неизменный атрибут шахтерских романов Хезлопа, “романов конфронтации”, если следовать классификации Дэвида Белла, автора диссертации по шахтерским романам 1929–1939 годов (“novels [. . .] in which the primary conflict between capital and labour is modified by a secondary conflict within labour on the question of ways and means of achieving a socialist society”) [BELL 1995: [1]]. Очевидно, что постановка проблемы (борьба не с самим капитализмом, а с ошибочными методами борьбы с капитализмом) воспроизводит логику внутрипартийной борьбы и, вероятно, была подсказана писателю его первым читателем и другом Иваном Майским. Драматургия этой идеологической линии укладывается в ту же схему, что Хезлоп и Елистратова использовали в своих критических высказываниях: весь текст представляет собой обличение, которое к концу приобретает характер тотального, а в последних строках открывается новый горизонт, знаменующий новую, правильную, жизнь.

Печальный итог:

как Гарольд Хезлоп так и не стал советским писателем

Почему советские литературные функционеры утратили интерес к Гарольду Хезлопу, вопрос не столь праздный. Сам писатель и Энди Крофт видят причину загадочной истории с неизданной “Красной землей” в засилье рапповцев, полагавших, что писателю-попутчику (“несознательному представителю рабочего класса”) не место в советском издательстве, и возлагают персональную ответственность за нее на Анну Елистратову, чья разгромная статья изменила отношение к молодому английскому углекопу [HEZLOP 1994: 195; CROFT 1984: X]. Однако реальность, похоже, была устроена менее линейным образом. Маловероятно, что на ситуацию с “Красной землей” повлияла именно Елистратова: она, по-видимому, ознакомилась с романом, когда статья для “На литературном посту”

(вышедшая в октябре 1931 года) уже была практически написана, и успевала вставить сноску и, возможно, внести изменения в завершающие абзацы, но не в статью целиком. Английская версия выходит на несколько месяцев позже русской, но с учетом перевода и издательского цикла вполне вероятно, что в действительности новая версия писалась почти сразу. К концу 1931 года выход романа уже явно откладывался.

Параллельно с драматическим сюжетом “Красной земли” разворачивалась история с неудачной попыткой Боба Эллиса и Гарольда Хезлопа создать британскую секцию МОРПа: в 1931–32 годах они состоят в оживленной переписке с функционерами МОРПа — Анталом Гидашем, Белой Иллешем и другими. Реализовать проект так и не удается, и отношения сторон охлаждаются [Островская 2014]. Возможно, это тоже сыграло свою роль. (Хезлоп был обижен вдвойне: создавать секцию поручили не ему, но от обвинений в неудаче проекта это его не избавило.)

С 1932 года начинается оживленная переписка Хезлопа с Динамовым, которая после его ареста не прерывается, а поддерживается его преемниками в кресле главного редактора “Интернациональной литературы” (переписка с Динамовым и его преемниками представляет собой несколько достаточно обширных единиц хранения в разных архивах: РГАЛИ и ИМЛИ), но в долгосрочной перспективе на публикациях писателя в журнале это не очень сказывается. Его имя стоит в списке постоянных авторов, однако постоянным автором журнала он так и не становится.

И тем не менее, советские литературные институции, точнее, то, что с ними происходило, явно имели самое непосредственное отношение к советской судьбе писателя Хезлопа. Радикальным изменениям подвергся журнал-орган МОРПа. За те же полтора года, что отделяют публикацию статьи от Харьковской конференции, он дважды поменял название и формат, а затем и состав редакции. Первый номер “International Literature” за 1932 год, где помещена статья Елистратовой, начинается с постановления “О перестройке литературно-художественных организаций”, расформировавшего РАПП и положившего начало новой политике государства в области литературы и искусства. МОРП просуществовал еще два года, но “перестройка” велась и в нем. Иллеш, Авербах и Бруно Ясенский, главный редактор “Интернациональной литературы”, утрачивают свои позиции, и, начиная с 1933 года, главным редактором журнала (и отдельно — его английской версии) становится Сергей Динамов. Именно на это время приходится изменение отношения советских литературных функционеров к Хезлопу, и даже можно вслед за Анной Елистратовой сказать — к “такому писателю как Хезлоп”. Если исходить из общей рамки советской политики по отношению к иностранным

писателям, этому соответствует поворот от поиска писателей рабочего происхождения, которых можно научить писательскому делу, к поиску известных писателей, выступавших на стороне Советского Союза. Именно так работает советская культурная дипломатия в 1930-е годы и международное писательское сообщество: на первый съезд Союза писателей в 1934 году и на конгресс в защиту мира в Париже в 1935 году Хезлопа уже не приглашали. Декларативно это было сформулировано Сергеем Динамовым еще в 1931 году в письме в редколлегию журнала (тогда “Литература мировой революции”), где он указывает на недостаток “ярких по мастерству вещей” [Динамов 1931: л. 1]. В действительности, однако, это означало, что редакция ищет писателей с именем, и в этом смысле писатель, произведения которого не публикуются на родине, был менее интересен. К 1932 году, когда термин “пролетарский” вытесняется из активного культурного обихода, интернациональный пролетарский писатель уже не нужен, да и концепция создания и распространения “литературы мировой революции” сменяется попыткой апроприации “мировой литературы” [CLARK 2011: 7].

Гарольд Хезлоп перестает быть интернациональным революционным писателем и становится только британским писателем. Сегодня его творчество принадлежит истории британской рабочей литературы и является объектом внимания исследователей, как специализирующихся на левых или пролетарских авторах [KLAUS 1982; HOLDERNESS 1984; Fox 1994], так и изучающих теоретические аспекты британского романа и межвоенной британской литературы [FORDHAM 2009A; IDEM 2009B]. Однако своеобразное положение писателя между двумя культурами и принципиальная невозможность описать его в координатах лишь одной из них предполагают особый подход, учитывающий специфику и взаимоотношения обеих. Британский исследователь Джон Фордэм предлагает рассматривать произведения Хезлопа сквозь призму “интермодернизма” (виртуальный конструкт, актуализирующий промежуточный характер ряда явлений межвоенной литературы, традиционно описываемой в координатах бинарной оппозиции модернизма и (соц)реализма или модернизма и постмодернизма). Представляется, что еще одно промежуточное пространство, которое активно осваивал писатель, — это пространство между британской и советской литературой (сравним у Фордэма: “Heslop’s ‘intermodernism’ refuses any easy assimilation into either the Soviet or the English models of the proletariat” [IDEM 2009A: 58]), и оно определяет не только подход к изучению его творчества, но и его значимость для описания культурного поля советской и левой британской литературы 1930-х годов.

Библиография

Сокращения

ОР ИМЛИ – Отдел рукописей Института мировой литературы

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

Архивные материалы

Динамов 1931

Письмо Сергея Динамова в редколлегию журнала “Литература мировой революции”. ОР ИМЛИ. Ф. 75. Оп. 2. Ед. хр. 3.

Майский–Динамов 1935

Письмо Ивана Майского Сергею Динамову 09.03.1935. РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 619. Л. 8.

Хезлоп–Динамов 1932–1937

Переписка Сергея Динамова с Гарольдом Хезлопом. 1932–1937 гг. ОР ИМЛИ. Ф. 75. Оп. 3. Ед. хр. 44.

——— 1934–1937

Переписка Сергея Динамова с Гарольдом Хезлопом. 1934–1937 гг. РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 619. Л. 1–30.

Печатные источники

Анонс 1929

[S. a.,] “[Под властью угля] Анонс”, *Правда*, 78 (4212), 05.04.1929, 4.

——— 1936

[S. a.,] “[Последняя смена] Новая книга Харольда Хэзлопа”, *Интернациональная литература*, 1, 1936, 167.

Гезлоп 1931

Гезлоп Г., *За бортом жизни*, Москва, Ленинград, 1931.

Геслоп 1930

Геслоп Г., *У врат будущего*, Москва, Ленинград, 1930.

Елистратова 1931

Елистратова А., “О творчестве Гарольда Хезлопа”, *На литературном посту*, 30, 1932, 21–24.

ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ 1937

[S. a.,] “Иностранные писатели к XX-летию Октябрьской Социалистической Революции”, *Интернациональная литература*, 10, 1937, 147–154.

Майский 2005

Майский И. М., *Избранная переписка с российскими корреспондентами*, 1, Москва, 2005.

——— 2011

Майский И. М., *Избранная переписка с иностранными корреспондентами*, 1, Москва, 2011.

Слонимский 1941

Слонимский М. Л., “Максим Горький”, *Литературный современник*, 6, 1941, 97–113.

Хезлоп 1926

Хезлоп Г., *Под властью угля*, Ленинград, 1926.

——— 1929

Хезлоп Г., *Под властью угля* (= Роман-газета, 6 (36)), 1929.

Хэзлоп 1939

Хэзлоп Г., “Дело Ленина продолжает Сталин”, *Интернациональная литература*, 1, 1939, 22.

- 1940
ХЭЗЛОП Г., «Поминки по Финнегану» Джеймса Джойса», *Интернациональная литература*, 1, 1940, 185–188.
- ШАХТЕРЫ 1928
[S. a.] «Английские писатели-шахтеры», *Вестник иностранной литературы*, 7, 1928, 138–139.
- ЕЛИОТ 1932
ЕЛИОТ Т. С., «A Commentary», *The Criterion*, 11/44 (April), 1932, 471–472.
- ЕЛИСТРАТОВА 1932
ЕЛИСТРАТОВА А., «The Work of Harold Heslop», *International Literature*, 1, 1932, 99–102.
- НЕСЛОП 1929
НЕСЛОП Н., *The Gate of a Strange Field*, London, 1929.
- 1930
НЕСЛОП Н., *Journey Beyond*, London, 1930.
- 1931
НЕСЛОП Н., [“Speech at the Kharkov conference”], *International Literature*, special issue, 1931, 226–227.
- 1933
НЕСЛОП Н., “Ten Thousand Men,” *International Literature*, 2, 1933, 32–40.
- 1994
НЕСЛОП Н., *Out of the Old Earth*, Newcastle upon Tyne, 1994.

Литература

- ДОБРЕНКО 2011
ДОБРЕНКО Е., «Становление института советской литературной критики в эпоху культурной революции: 1928–1932», in: Е. ДОБРЕНКО, Г. ТИХАНОВ, ред., *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*, Москва, 2011, 142–206.
- ОСТРОВСКАЯ 2014
ОСТРОВСКАЯ Е. С., «Первая попытка создания британской секции МОРПа в контексте истории МОРПа и журнала «Интернациональная литература»», *Новые российские гуманитарные исследования*, 15.12.2014 (<http://www.nrgumis.ru/articles/290/>; последнее обращение 21.11.2017).
- BELL 1995
BELL D., *Ardent Propaganda: Miners Novels and Class Conflict 1929–1939*, Umeå, 1995.
- CLARK 2011
CLARK K., *Moscow, The Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*, Cambridge (MA), 2011.
- CROFT 1984
CROFT A., “Introduction,” in: H. HESLOP, *Last Cage Down*, London, 1984, VII–XIII.
- 1990
CROFT A., *Red Letter Days: British Fiction in the 1930s*, London, 1990.
- 1994
CROFT A., “Who Was Harry Heslop?” in: H. HESLOP, *Out of the Old Earth*, Newcastle upon Tyne, 1994, 7–38.
- CUNNINGHAM 1989
CUNNINGHAM V., *British Writers of the Thirties*, Oxford, New York, 1989.
- FORDHAM 2009A
FORDHAM J., “‘A Strange Field’: Region and Class in the Novels of Harold Heslop,” in: *Intermodernism: Literary Culture in Mid-Twentieth-Century Britain*, Edinburgh, 2009, 56–72.

——— 2009B

FORDHAM J., "Working-Class Fiction Across the Century," in: R. CASERIO, ed., *The Cambridge Companion to the Twentieth-Century English Novel*, Cambridge, New York, 2009, 131–145.

FOX 1994

FOX P., *Class Fictions: Shame and Resistance in the British Working Class Novel, 1890–1945*, Durham, 1994.

HOLDERNESS 1984

HOLDERNESS G., "Miners and the Novel: From Bourgeois to Proletarian Fiction," in: J. HAWTHORN, ed., *The British Working-Class Novel in the Twentieth Century*, London, Baltimore (MD), 1984, 19–34.

KLAUS 1982

KLAUS H. G., *The Socialist Novel in Britain*, Brighton, 1982.

References

Bell D., *Ardent Propaganda: Miners Novels and Class Conflict 1929–1939*, Umeå, 1995.

Clark K., *Moscow, The Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*, Cambridge (MA), 2011.

Croft A., "Introduction," in: H. Heslop, *Last Cage Down*, London, 1984, vii–xiii.

Croft A., *Red Letter Days: British Fiction in the 1930s*, London, 1990.

Croft A., "Who Was Harry Heslop?" in: H. Heslop, *Out of the Old Earth*, Newcastle upon Tyne, 1994, 7–38.

Cunningham V., *British Writers of the Thirties*, Oxford, New York, 1989.

Dobrenko E., "Stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki v epokhu kul'turnoi revoliutsii: 1928–1932," in: E. Dobrenko, G. Tikhanov, eds., *Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: sovetskaia i postsovetskaia epokhi*, Moscow, 2011, 142–206.

Fordham J., "'A Strange Field': Region and Class in the Novels of Harold Heslop," in: *Intermodernism:*

Literary Culture in Mid-Twentieth-Century Britain, Edinburgh, 2009, 56–72.

Fordham J., "Working-Class Fiction Across the Century," in: R. Caserio, ed., *The Cambridge Companion to the Twentieth-Century English Novel*, Cambridge, New York, 2009, 131–145.

Fox P., *Class Fictions: Shame and Resistance in the British Working Class Novel, 1890–1945*, Durham, 1994.

Holderness G., "Miners and the Novel: From Bourgeois to Proletarian Fiction," in: J. Hawthorn, ed., *The British Working-Class Novel in the Twentieth Century*, London, Baltimore (MD), 1984, 19–34.

Klaus H. G., *The Socialist Novel in Britain*, Brighton, 1982.

Ostrovskaya E. S., "Pervaia popytka sozdaniia britanskoi sektsii MORPa v kontekste istorii MORPa i zhurnala 'Internatsional'naia literatura,'" *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*, 15.12.2014 (<http://www.nrgumis.ru/articles/290/>).

Acknowledgements

Project "European Literature in Comparative Perspective: Method and Interpretation," carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics, Moscow in 2016.

Елена Сергеевна Островская, канд. филол. наук

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",

доцент Школы филологии Факультета гуманитарных наук

105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

Россия/Russia

esostrovskaya@hse.ru

Received December 16, 2016